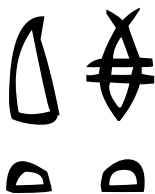
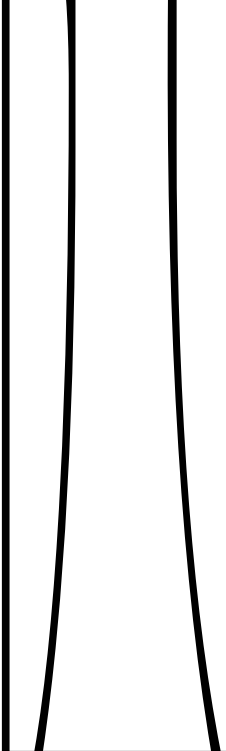
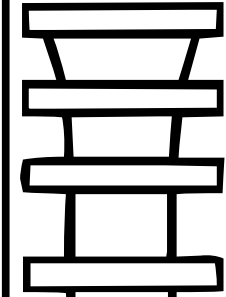
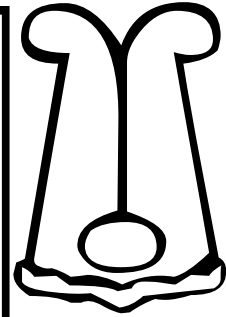


АЛИСТЕР КРОУЛИ

LIBER CXLVIII

СОЛДАТ И ГОРБУН:

! И ?





A. A.

Публикация Класса С

Алистер Кроули

LIBER CXLVIII

СОЛДАТ И ГОРБУН: ! И ?

Жди семь бед от хромого,
сорок две от одноглазого,
но, встретив горбуна, молись Аллаху!
Арабская пословица

I

Исследование. В первую очередь выясним, что такое скептицизм? Это слово означает рассмотрение, вопрошание, исследование. С презрением следует отнестись к толкованию христианских лжецов, которые трактуют слово "скептик" как "насмешник"; хотя в некотором смысле это справедливо для них: ведь углубляться в христианство несомненно означает насмеяться над ним. Однако я намерен усилить этимологическую коннотацию в некоторых аспектах. Во-первых, я не считаю, что обычная недоверчивость входит в рамки данного понятия, но и легковерие несовместимо с ним. Недоверчивость подразумевает предубеждение в пользу негативного вывода, а истинный скептик должен быть совершенно беспристрастен.

Во-вторых, я исключаю понятие "врожденного скептицизма". На вопрос: "Что хорошего во всём?" ожидается (как мы узнали о "ничего"?) ответ: "Да ничего!", который также является предвзятым. Лень – отнюдь не достоинство ищущего. Жажда знания, сосредоточенность, концентрированность, внимательность – всё это я включаю в значение слова "скептик". Тот подход, который я назвал "врожденным скептицизмом", всего лишь способ избежать истинного вопрошания, и потому является его антитезой, это – дьявол, притворившийся ангелом света.

[Или наоборот, мой друг, если ты Сатанист; это всё слова-слова-слова. В своих уравнениях ты можешь X приравнять Y или Y к X. Они останутся неизменными и неизвестными. Разве не является наше "знание" примером такого заблуждения, при котором одно неизвестное заменяется другим, а потом всё равно остаётся кукарекать петухом?].

Я рисую себе истинного скептика как человека жаждущего и внимающего, его умные глаза сверкают как острые лезвия, его руки напряжены, и он спрашивает: "Что это значит?"

Я рисую себе ложного скептика как прощелыгу или тупицу, зевающего, с тусклыми глазами и бессильными мышцами, его цель – задавать вопросы, но по сути своей лишь от безделья и тупости.

Истинный скептик – это человек с научным подходом, как в "Докторе Моро" Уэллса. Он нашёл несколько вариантов ответа на свой главный вопрос, но этот ответ – ещё один вопрос. И в самом деле, трудно представить себе вопрос, ответ на который не влечёт за собой ещё тысячу других вопросов. "Почему сахар сладкий?", - даже такой простой вопрос предполагает бесконечные рассуждения на тему химии, каждое из которых неизменно приведёт в тупик под названием "что такое материя?", а также не менее бесконечные рассуждения на тему физиологии, результат которых в конечном счёте приведёт в тупик под названием "что такое разум?".

Даже взаимосвязь между этими двумя понятиями невозможно представить, причинность сама по себе невысказана; с одной стороны она зависит от опыта, – но, Господи, что же такое опыт? Опыт невозможен без памяти. Что есть память? Цемент для здания храма Эго, а впечатления – кирпичи для него. А Эго? Быть может, совокупность нашего опыта? (Сомневаюсь!) В любом случае, есть ли у нас значения Y и Z вместо X или значения X и Z вместо Y, – все наши уравнения не решены; все наши знания относительно в ещё более узком смысле, нежели тот, что мы обычно вкладываем в это выражение. Под кнутом Бога-клоуна наши ослы-философы и учёные нарезают круги по арене, проделывают веселые трюки, ведь они хорошо выдрессированы, но это всё ни к чему не приводит.

Да я и сам, кажется, ни к чему не пришел.

II

Попробуем ещё раз. Попытаемся понять самое простое и самое конкретное из всех возможных утверждений. "Мысль существует", или, если хотите, "Cogitatur" [думается].

Декарт предполагал, что приблизился к сути дела своим утверждением "Cogito, ergo Sum".

Хаксли отметил сложную природу этого посыла и то, что он является энтимемой, предпосылкой "Omnia sunt, Qui Cogitant". Он сократил его до "Cogito" или же, дабы избежать необъективности, связанной с определением Эго, придал ему вид "Cogitatur".

Рассматривая это утверждение более тщательно, все же можно придраться к его формулировке. Его невозможно перевести на английский язык без использования глагола "быть" (to be), поэтому в любом случае подразумевается существование (бытие). И не стоит воображать, что пренебрежительное молчание – достаточно полный ответ на следующий вопрос "кто думает?" (кем это думается?). Буддист может с лёгкостью представить действие без субъекта действия, но я не столь умен. Это же может представить себе и любой здравомыслящий человек, но хотелось бы пристальнее изучить его разум, прежде чем сделать окончательный вывод.

Несмотря на чисто формальные возражения, мы продолжаем задаваться вопросом, верно ли утверждение "Cogitatur"?

Да, ответят самые умные, ведь само отрицание его подразумевает мысль; "Negatur" является лишь подразделом "Cogitatur".

Однако, такой вывод вытекает из аксиомы о том, что сущность части тождественна сущности целого, или (по крайней мере) аксиомы "А есть А".

Я, конечно, не отрицаю, что А является А, или может случайно оказаться А. Но на самом деле "А есть А" слишком далеко от нашего исходного "Cogitatur".

Короче говоря, доказывая "Cogitatur", мы основываемся не на нём самом, а на законах логики, и если под логикой мы подразумеваем (должны подразумевать) Кодекс Законов Мышления, у раздраженного скептика появится очень много замечаний, ибо, оказывается, доказательство того, что мысль существует, зависит от того, что это за мысль, а то и ещё от чего-нибудь.

Взяв "Cogitatur", мы попытались избежать использования "esse"; но "А есть А" уже включает в себя этот глагол, поэтому доказательство неизбежно оказывается несостоятельным.

"Cogitatur" зависит от "est", и этого не отменишь.

III

Продвинемся ли мы вперед, если разберем "est" – что-то есть – бытие есть – אהיה אשר אהיה?

Что такое бытие? Сей вопрос настолько фундаментален, что не имеет ответа. Самое глубокое размышление приведёт лишь к разочарованию от бессилия. Окажется, что разум, осмысливающий Бытие, не имеет простого рационального определения для него.

Конечно, можно утопить вопрос в море определений, что приведёт к ещё большей запутанности, но фразы в духе "бытие – это дар Божественного провидения" или "бытие противостоит небытию" нам мало помогут!

Незамысловатое иудейское "Бытие есть Бытие" только всё усложняет. Это самое скептическое из утверждений, несмотря на формулировку. Бытие это просто Бытие, этим всё сказано, и не стоит более разглагольствовать по этому поводу! Ах, но об этом ещё можно много чего сказать! Мы ищем мысль, подходящую к слову, но терпим неудачу, в то время как Беркли приводит абсолютно убедительный аргумент о том, что бытие должно означать "мыслящее бытие" или "духовное бытие".

И здесь мы находим, что наше "est" предполагает "cogitatur"; аргументы Беркли оказываются "неопровержимыми, но неубедительными" (Юм), так как "cogitatur", как мы увидели выше, предполагает "est".

Эти идеи непросты и неотделимы одна от другой. Не является ли их разделение в нашем мозгу доказательством полной недееспособности этого органа, или, может, это изъян нашей логики? Ибо всё зависит от логики, – не просто от истинности утверждения "А есть А", – но от общей структуры логики: от простых утверждений, превращающихся в чрезвычайно трудные в тот момент, когда они приходят на ум отвратительному гению, который изобрёл "экзистенциальный выбор" для изучения этого вопроса, до более сложных и противоречивых силлогизмов.

IV

Вывод "мысль существует" (в худшем случае в виде отрицания) появляется из посылок: мысль отрицаема; (любая) отрицаемая мысль есть мысль.

Даже формально – это нелепая чушь. По сути, вывод включает в себя круг понятий более широкий, чем наше первое утверждение. Мы пытаемся соединить небо и землю в силлогизм, который вдесятеро таинственнее, чем мы сами.

Невозможно полностью охватить проблему правильности силлогизма (как часть вопроса о правильности логики), хотя кто-нибудь может намекнуть, что поиск среднего термина требует навыка операций с бесконечно большими величинами, что лежит за пределами моих скудных возможностей и насквозь пропитано сознанием того, что вся математика условна, относительна, приближительна и не абсолютна.

Мы все углубляемся и идём от единицы к множеству. Наше первоначальное утверждение не основывается более на самом себе, но на целом комплексе недостатков человека, – убогого, спорящего, бестолкового человека! Человека со всей его ограниченностью и невежеством, человека – человека!

V

Легче нам, конечно, не становится, если мы начинаем исследовать множество, хоть раскладывая его на составные части, хоть рассматривая его как их совокупность. Они пересекаются и расходятся, и каждый новый уровень познания открывает необозримые просторы неисследованного: с увеличением мощности наших телескопов открываются всё новые галактики, с совершенствованием наших микроскопов обнаруживается жизнь всё более мелкая и неизведанная. Тайна громадных промежутков между молекулами; тайна эфирных прослоек между звездами, которые удерживают их от столкновения. Тайна полноты вещей; тайна пустоты вещей! Но по мере нашего рассуждения усиливается чувство, ощущение, предвидение, – как бы это назвать? – что Бытие – едино, что Мысль – едина, что Закон – един, и так до тех пор, пока мы не спросим, – что значит "единый"? И снова замкнутый круг, мы играем в слова-слова-слова. И нет ни единого вопроса, на который можно было бы найти окончательный ответ.

Из чего сделана Луна? Наука отвечает: "Из зелёного сыра!" Для определения одного понятия "луна" у нас теперь есть два понятия – "зелёный" и "сыр".

Зелёный цвет зависит от освещенности, глаза и много ещё от чего.

Сыр зависит от бактерий, способа брожения и породы коровы.

"Глубже, ещё глубже, – в самую суть вещей!"

Разрубим ли мы Гордиев узел, сказав: "Бог есть"?

И что же такое, чёрт побери, Бог?

Если, подобно Моисею, мы изобразим его как старца, чьего лица мы не видим, кто обвинит нас? Ведь этот великий Вопрос (а всякий Вопрос велик!) смотрит на нас свысока – так склонен думать разочарованный скептик.

Итак, мы можем описать его как любящего отца, как ревностного жреца, как сиянье над святым Ковчегом, но что всё это значит? Все эти образы лишь дерево и камень, дерево и камень наших тупых мозгов. Бог-отец это всего лишь образ из человеческой жизни и почерпнутый людьми именно оттуда; идея человеческого отца соединилась с идеей необъятности. Опять два вместо одного!

Ни одна мысль не может превзойти создавший её мозг. Всё, что мы можем подумать о Боге или сказать о Нём, – насколько вообще наши слова в состоянии выразить наши мысли, – гораздо меньше, чем мозг, который это придумал и облёк в слова.

Очень хорошо; может пойдём дальше и станем отрицать существование Бога всеми доступными средствами, как сделал бы язычник? Всё, чего мы достигнем в таком случае, – простое отрицание мысли.

Он либо непостижим, либо меньше нас. Тогда, соответственно, то, что непостижимо, – неизвестно; и утверждения типа "Бог" или "Бог существует" в качестве ответа на наш вопрос становятся совершенно бессмысленными, как и любые другие.

И кто же теперь мы? Мы – Спенсерианские Агностики, глупые, жалкие Спенсерианские Агностики!

И на этом вопрос закрыт.

VI

Теперь настало время усомниться в достоверности некоторых наших данных. До сих пор наш скептицизм не только вдребезги разбил башню наших мыслей, но и

уничтожил её каменный фундамент, истерев его в пыль, более густую и ядовитую, чем та, в которую Моисей бросил тельца. Ах, эти золотые Элохим! Наши телячьи головы, которые не только не вывели нас из Египта, но и завели во тьму, более глубокую и плотную, нежели любая тьма двойной Империи Осириса.

Юм адресовал свой ? к Богу Беркли – !, а Будда свой ? к Ведическому Атману – !, и ни Юм, ни Будда не отказались от своей награды. К кому мы можем адресовать свой ? к самим себе? Поскольку мы не нашли своего !, к кому можно было бы обратиться, не будет ли забавно, если наш второй ? неожиданно распрямит спину, выпятит грудь и двинется вперёд, превратившись в ! ?

Полагаю, тогда мы поймем, что наш скептицизм разрушает корни и ветви дерева нашего познания – неужели он останется безнаказанным? Неужели это не забавно – разрушать логику логикой? Если Сатана изгонит Сатану, то как устоять его царству?

Давайте взойдём на Гору, мы – Спасители Мира, который и есть мы, и просто скажем "изыди, Сатана!", воздерживаясь однако от цитирования текстов или объяснения причин.

"Ого! – скажет кто-то. – Здесь объявился Алистер Кроули? Ослепленный и поработанный Самсон, молотящий зерно для филистимлян!"

Вовсе нет, мой мальчик!

Мы зададим все вопросы, которые можем задать, – но можем обнаружить лишь башню на скале, о которую тщетно бьются ветры.

Это не то, что христиане называют верой, будьте уверены! А то, что (возможно) создатели писаний – те выдающиеся мистики – имели в виду. То, что я называю Самадхи, а поскольку "вера без деяний мертва", то, друзья мои, Самадхи – это абсолютная чушь до тех пор, пока практик не продемонстрирует его золотое сияние своими деяниями в мире. Если ваш мистик становится Данте – хорошо; если Теннисоном – его откровения ничего не стоят!

Но как же эта башня Самадхи выдерживает атаку времён сомнений?

Не является ли идея Самадхи такой же зависимой от всех остальных идей – человек, время, бытие, мысль, логика? Если я пытаюсь объяснить Самадхи путём аналогии, не оказывается ли зачастую, что я говорю так, будто мы все знаем об эволюции, математике и истории? Сложные и ненаучные учения – просто соломинки под ударом нашего горбатого друга!

Итак, одна из опор – всего лишь частный случай проявления здравого смысла.

На днях я был у Дороти и мне всё показалось очень милым – её сэндвичи были славные. Несомненно, вторжение отца Бернарда Вогана (Father Bernard Vaughan) и доктора Тори (Dr. Torrey), и Ананды Меттеи (Ananda Metteyya), и мистера Г.В. Фута (Mr. G. W. Foote), и капитана Фуллера (Captain Fuller), и духа Иммануила Канта (Immanuel Kant), и мистера Бернарда Шоу (Mr. Bernard Shaw), и юного Нойбурга (Neuburg) было проявлением дурного тона. Но, тем не менее, они вторглись и высказались! Я никогда не слышал ничего подобного. Каждый высказал свою точку зрения; но все они сошлись на том, что Дороти не существует, или, если она и существует, то она очень дурна, что её булочки чёрствые, а её чай несвежий, а "посему" я очень плохо провёл время. Скажите-ка! Милостивый Боже! Но Дороти сохраняла спокойствие и не обращала внимания, и, в конце концов, я забыл о них.

Обдумывая происшедшее на трезвую голову, я понимаю, что, вероятно, они были правы: я не могу доказать обратного. Но как человек практичный, я намереваюсь направить свой пароход – за мои грехи я нахожусь сейчас в Гибралтаре – обратно к Дороти в самое ближайшее время. Сэндвичи из сдобных булок и немецких сосисок, возможно, вульгарны и даже воображаемы – но именно этот вкус мне нравится. И чем дольше я жую, тем более любезным становлюсь, пока не дойду до того, чтобы предложить кусочек моим критикам.

Это выглядит как "внутренняя убежденность" заурядного или доморощенного христианина, но есть и отличия.

Христианин настаивает на том, чтобы наглая ложь была принята в качестве неотъемлемой составляющей его (чаще её) системы; я же, напротив, запрашиваю факты, наблюдения. При скептическом подходе, конечно, факты это такой же картонный домик, как и ложь, но только в философском смысле.

На практике же наука истинна, а вера глупа.

На практике $3 \times 1 = 3$ – истина; и $3 \times 1 = 1$ – ложь; однако с точки зрения скептика оба утверждения могут быть неочевидными и неверными.

На практике, метод добычи огня с небес Франклина лучше, чем метод Прометея или Илии. Я сейчас пишу при свете, благодаря открытию Франклина.

На практике, "я сконцентрировал своё сознание на белом светящемся треугольнике, центром которого был сияющий глаз, и в течение двадцати двух минут и десяти секунд моё внимание рассеивалось сорок пять раз", – это научное и содержательное утверждение. "Я ревностно молился Господу в течение многих дней" означает что угодно или ничего. Кому интересно, может повторить мой эксперимент и сравнить свои результаты с моими. В последнем случае постоянно возникает вопрос, что значит "ревностно", кто такой "Господь" и сколько дней составило "много".

Мои претензии также скромнее, чем у христиан. Он (обычно она) знает о моём будущем до неприличия много, а я не требую ничего абсолютного от моего Самадхи – я просто хорошо знаю о бесполезности однобоких исследований даже такой простой вещи, как определение точки кипения! – и что касается его (обычно её) будущего, я довольствуюсь исключительно здравым смыслом относительно возможной кончины глупца.

Так что несмотря ни на что я не трогаю свой скептицизм – и я не трогаю свое Самадхи. Одно уравнивает другое, и меня не волнует вульгарная брань этих двух вассалов моего сознания!

VII

Однако если Вам действительно захотелось узнать о технической стороне вопроса, я окажу Вам такую услугу.

Чтобы вопрос был понятен, необходимо, чтобы истец стоял на одном уровне с ответчиком.

Ответ невозможен, если Вы спросите: "Круглые квадраты треугольные? Добродетельно ли масло? Сколько унций содержится в шиллинге?" Ибо эти вопросы на самом деле вообще не вопросы.

Поэтому, если вы спросите меня, реально ли Самадхи, я отвечу так: во-первых, я настоятельно попрошу Вас определить термины. Что Вы подразумеваете под Самадхи?

Существует физиологическое (или патологическое, это сейчас не важно!) состояние, которое я называю Самадхи, и это состояние так же реально для человека, как сон, опьянение или смерть.

Как философы, мы можем усомниться в существовании каждого из этих состояний; и у нас нет оснований какое-то из них выделять. Академический скептицизм – это фирма, занимающаяся оптовой торговлей, я надеюсь! – а на практике я предлагаю Вам найти основания для различия.

Всё это состояния человеческого сознания, и если вы стремитесь разрушить одно из этих состояний, погублены будут все.

VIII

Рискуя отклониться от предмета, я все же должен обозначить разницу между философской и практической точками зрения или (как говорят кабалисты) – между Кетер и Малкут. В частной беседе я нахожу сложным – почти невозможным – донести до людей то, что мне кажется таким простым. Я постараюсь объяснить это предельно ясно.

Ботинок – это иллюзия.

Шляпа – это иллюзия.

"Следовательно", ботинок – это шляпа.

Так говорят мои друзья, не определяя средний термин.

Но я утверждаю так:

"Следовательно", (хотя это и не силлогизм), все ботинки и шляпы – это иллюзии.

И добавляю:

Для человека, который находится в Кетер, иллюзии не имеют значения. "Следовательно", для человека, который находится в Кетер, не имеют значения ни ботинки, ни шляпы.

Фактически, человек, находясь в Кетер, не взаимодействует с этими ботинками и шляпами.

Ты, говорят они, претендуешь на то, что ты находишься в Кетер (я не претендую). Почему же тогда ты не надеваешь ботинки на голову и шляпу на ноги?

Я могу лишь ответить, что, будь я в Кетер (это всего лишь аргумент), я не был бы связан ни с ногами и головами, ни с ботинками и шляпами. И с какой стати стану я (со своей высоты) наклоняться и беспокоить джентльмена в Малкут с головой и ногами, который, в конце концов, для меня не существует? Раз уж все равно никакой разницы нет, я мог бы легко надеть ботинки ему на плечи, голову на одну ногу и шляпу – на другую.

Короче, почему бы не быть праведным ирландским джентльменом, даже если у вас имеются безумные идеи по поводу мироздания?

Очень хорошо, говорят мои друзья без тени смущения, тогда почему бы этого не придерживаться? К чему прославлять испанских цыган, если вы женились на дочери священника?

Зачем заявлять, что ваши развлечения, которые стоят Вам восемнадцать пенсов, так же хороши, как и развлечения человека, которому они стоят карьеры?

Ах! Позвольте мне представить вас господину из Тиферет; это тот самый господин, который пытается поднять своё сознание от Малкут до Кетер. Этот господин из Тиферет находится в дьявольской дыре! Теоретически он знает всё о точке зрения Кетер, и практически всё о точке зрения Малкут. В результате чего он начинает противоречить Малкут; он отказывается позволить Малкут завладеть своими мыслями. Он продолжает заявлять, что нет разницы между бобром и добром в надежде (как бы) убедить себя в их идентичности, которая является его собственными (предвзятыми и неверными) представлениями о том, как выглядят вещи с позиции Кетер.

Этот господин творит великие чудеса, чудодейственное средство. Он действительно находит золото в куче навоза и скелеты в телах красивых девушек.

На Абиэгни, Святой Горе Розенкрейцеров, послушник не обнаруживает ничего, кроме гроба в центральном храме; и всё же в этом гробу находится Христиан Розенкрейц, который мёртв и жив на веки вечные и является хранителем ключей от Ада и Смерти.

Да! Ваш господин из Тиферет, дитя Удачи и Справедливости, зрит в корень!

Но он представляется весьма смешным созданием как господину из Малкут, так и господину из Кетер.

И, тем не менее, он наиболее интересный господин; и мы все должны пройти этот этап, прежде чем просветление падёт на наши головы, способность Кетер зреть поверх Облаков, окаймляющих гору Абиэгни.

IX

Набегавшись туда-сюда, аки Херувимы, мы можем снова попробовать преобразить нашего друга-горбуна в бравого солдата. Отклонение от темы не будет лишним, поскольку призвано пролить свет на вопрос, касающийся пределов скептицизма.

Мы рассмотрели точку зрения Малкут; выглядит абсурдно, согласитесь. Но позиция Тиферет непоколебима; Тиферет не нужно говорить о том, что Малкут абсурдна. Тогда мы атакуем Тиферет, – и она рассыплется; но Кетер нахмурится в ответ. Атакуйте Кетер – падет и она; но Йециратическая Малкут по-прежнему на своём месте... до тех пор, пока мы не достигнем Кетер в Ацилут и Вечного Света, и Космоса, и Ничто.

Таким образом мы отступаем, прикрывая тылы; всякий раз солдат погибает от удара горбуна; но когда мы отступаем, всегда рядом с нами есть солдат.

До конца. Конец? Будда считал, что количество горбунов бесконечно; но почему бы тогда и числу солдат не быть несметным?

Как бы там ни было, в этом и суть; горбуну требуется миг, чтобы убить своего солдата, и чем дальше мы продвигаемся, тем больше времени это занимает. Вы можете стереть в порошок царство грёз ребенка, но прежде чем вы сможете разрушить его физическую вселенную, он так вымуштрует своих горбунов, что они станут ужасно похожи на солдат. И мне представляется, что вопрос, способный пошатнуть состояние Самадхи, мог бы дать фору одному из гренадеров Фридриха.

Бесполезно донимать мистика вопросами о том, уверен ли он в том, что Самадхи поправит его плохое здоровье; это всё равно, что просить охотника быть очень осторожным, дабы не поранить лисицу. Главный вопрос, единственный, который действительно разбивает Самадхи вдребезги, это такая величайшая Идея, что она достойна гораздо большего восклицания, чем все предыдущие восклицания за всю их вопросительную форму.

И имя тому вопросу – Ниббана.

Возьмём, к примеру, этот случай с душой.

Когда Мистер Джудас МакКэбидж спрашивает Человека на Улице, почему тот верит в существование души, тот, заикаясь, отвечает, что он слышал об этом; естественно, МакКэбидж с помощью биологических методов без труда доказывает, что у него нет души; и с сияющей улыбкой каждый следует своей дорогой.

Но МакКэбидж бессмысленно потратит свои силы на философа, чья вера в существование души зиждется на самонаблюдении; нам необходима тяжелая артиллерия; возможно, Юм нам поможет.

Но Юм в свою очередь оказался бы совершенно несостоятельным перед индуистским мистиком, который непрерывно наслаждается своим свеженайденным Атманом. Чтобы разрушить "его" замок, потребуется оружие Будды.

Теперь же идеи МакКэбиджа кажутся скучными и банальными; идеи Юма – живыми и зрелыми, в них есть некая радость, большая, чем радость Человека на Улице. Так же и мысль Будды, Анатта, – намного более привлекательная концепция, чем кукольное Эго философа или рациональная артиллерия Юма.

Это оружие разрушило наш мирок, наши воображаемые вселенные, всякий раз обнажающие ту самую, более реальную, – не будем ли мы орудовать им с особенным исступлением? Не поймем ли мы также взаимозависимость Вопросов и Ответов, неотъемлемую связь тех и других, чем (как ноль, умноженный на бесконечность, представляет собой неопределённость) разрушим абсолютизм либо вопросов (?), либо ответов (!) путём их чередования и уравнивания, пока в наших последовательностях ?!?!?!? ... !?!? ... нас уже не будет интересовать, каким окажется последний символ, любой символ, который будет совершенно ничтожным по сравнению с масштабом последовательности? Не является ли она бесконечной геометрической прогрессией с положительным коэффициентом?

К примеру, мы же понимаем, что нет абсолютного значения амплитуды колебания маятника, если его нить удлиняется, его скорость замедляется, и его амплитуда становится больше с каждым взмахом.

Что должно нас заинтересовать, так это анализ точки, из которой он свисает, – неподвижной, расположенной высоко надо всем! К сожалению, нам приходится наблюдать все это, беспомощно цепляясь за маятник и испытывая отвращение к нашему бессмысленному раскачиванию туда-сюда над бездной! Чтобы достичь той точки, нам следует взобраться по нити, но – подождите минутку! Каким тусклым и слабым становится наше сравнение! Сможем ли мы подобрать слова? Сомнительно, учитывая то, что мы приняли за пределы амплитуды. И на самом деле может оказаться, что в конце раскачивания равно 360 градусам, и точка ответа (!) и точка вопроса (?) совпадают; но это не то же самое, что и состояние покоя, если только мы не приравняем кинематику статике.

Что же с этим делать? Как определить словами такие таинственные вещи?

Неужели истинная Тропа Мудрого лежит в совершенно иной плоскости относительно его продвижения по тропе Знаний и Транса? Мы уже были вынуждены обратиться к четвертому измерению, чтобы проиллюстрировать (если не объяснить) сущность Самадхи.

Ага, скажут знатоки, Самадхи – это не конец, а начало. Вы должны рассматривать Самадхи как нормальное состояние сознания, которое дает Вам возможность начать исследования. Как и пробуждение – это состояние, из которого вы переходите в Самадхи, сон – состояние, из которого Вы перешли в пробуждение. И только из Саммасамадхи – продолжительного транса правильного толка – Вы могли бы подняться, как будто на цыпочках, и видеть сквозь облака горы.

Теперь, конечно же, очень мило со стороны посвященных переложить все эти проблемы на нас и сделать это так любезно и открыто. Всё что нам нужно сделать, как вы видите, – это достичь Саммасамадхи, и затем встать на цыпочки. Всего-то!

Но есть и другие знатоки, будь они неладны! Мой младший брат, говорят они, давай лучше представим, что маятник качается всё медленнее и медленнее, и он должен остановиться тогда, когда нить станет бесконечно длинной. Боже! Тогда это вовсе не маятник, а Махалингам – Махалингам Шивы ("Namo Shivaya namaha Aum!"), который является таким, каким я его себе всегда представлял; всё, что Вам нужно сделать, это продолжать сильно раскачиваться – я знаю, это раскачивание на крюке! – и вы достигнете его в Конце. Какие проблемы с раскачиванием? Во-первых, Вы обречены раскачиваться, нравится это Вам или нет; во-вторых, Ваше внимание при этом отвлекается от поясничных мышц, в которых крюк так прочно закреплён; в-третьих, в конце концов, это потрясающе занятая игра; в-четвёртых, Вы хотите ещё, и даже кажущееся движение лучше застоя. Беговая дорожка считается хорошим упражнением.

Верно, вопрос "зачем становиться Архатом?" должен предшествовать вопросу "как стать Архатом?", но беспристрастный человек легко подменит первый вопросом "почему бы нет?" – от "как?" не так-то уж легко избавиться. Тогда с позиции самого

Архата, возможно, вопросы "почему я стал Архатом?" и "как я стал Архатом?" имеют единственное решение!

В любом случае мы теряем время – мы смешны с нашими Архатами как смешон Ирод Тетрарх со своими павлинами! Мы задаём жизни вопрос "зачем?", и первый ответ – это "чтобы достичь Знания и Собеседования со Святым Ангелом-Хранителем".

Чтобы придать значение этому утверждению, мы должны получить то Знание и Собеседование: и когда мы сделаем это, то сможем перейти к следующему вопросу. Будет неправильно задавать его сейчас. "Есть толстосумы и голодранцы, которые стоят у двери таверны и осыпают бранью посетителей".

Мы не обращаем внимания на бедного как церковная мышь священника, громогласно проповедующего о том, что богатый человек не обретет блаженства от своего богатства.

Ладно. Давайте возьмем том, озаглавленный "Книга священной магии Абрамелина-Мага", или магические писания того самого святого провидца, Божьего Человека Капитана Фуллера, и в точности выполним их наставления. И только когда у нас это получится, когда мы поставим колоссальный ! напротив нашего насущного ?, необходимо спросить, не собирается ли солдат, в конце концов, развивать искривление позвоночника.

Давайте сделаем первый шаг; давайте споем:

"Я не прошу видеть

Далекую тропу.

Одного шага для меня достаточно".

Но (вы, несомненно, скажете) я уничтожаю суть самого Вашего ? другим ?. Зачем вообще изучать жизнь? Почему бы не оставаться "праведным ирландским джентльменом", довольным своей отсталостью и презрительно относящимся к бумаге и карандашу? Не будет ли утверждение Будды "Вся жизнь – страдание" немногим лучше малодушной жалобы? Что меня волнует в старости, болезни, смерти? Я – человек, и к тому же кельт. Плевал я на распустившего сопли индусского принца, ослабевшего сначала от разврата, а потом от аскезы. Слабый, грязный, ничтожный бродяга Ваш Гаутама, сэр!

Да, я думаю, мне нечего на это ответить. Неожиданное осознание некой жизненной катастрофы могло служить началом моего сознательного стремления к Постижению, – но способность была определённо врожденной. Простое отчаяние и желание мало на что способны; в любом случае, первым импульсом страха был часовой приступ ужаса; притягательность самого пути была настоящим соблазном. Было бы также глупо спрашивать меня "почему ты постигаешь?", как спрашивать Бога "почему ты прощаешь?". "Это его работа".

Я не настолько глуп, чтобы думать, что моя доктрина когда-либо дойдёт до всего мира. Я ожидаю, что спустя десять веков "нареченные кроулианцы" будут таким же заразным и многочисленным образованием, как "нареченные христиане" сегодня, поскольку (в настоящее время) мне не удалось придумать, как их уничтожить. Возможно, мне стоило бы подыскать им нишу в церкви, так же, как Индуизм одинаково помогает и тем, кто постиг Упанишады, и тем, чей разум едва достиг уровня Тантры. Короче говоря, необходимо расстаться с притворством религии, чтобы религия смогла стать универсальной для тех, кто постиг её реальность, чтобы на собственной груди свить гнездо и вскармливать свою природу её звёздным молоком. Но мы предвкусываем!

Мое послание, таким образом, двусторонне: жирному "буржую" я предвещаю недовольство; я его шокирую, я пронзаю его, я вырезаю землю у него из-под ног, я переворачиваю его с ног на голову, я даю ему гашиш и заставляю его

неистовствовать, я дергаю его за задницу раскалёнными докрасна щипцами моего садистского воображения – до тех пор, пока он не почувствует неудобство.

Но человеку, которому уже непросто, как святому Лаврентию на его серебряной решетке, чувствующему поднимающийся в нём дух, или женщине, которая чувствует тошноту от первого толчка ребёнка в своем чреве, – такому человеку я несу прекрасное видение, аромат и блаженство, Знание и Собеседование со Святым Ангелом Хранителем. И тому, кто достиг той высоты, я задам следующий вопрос, дам знать о следующем Блаженстве.

Моя беда, а не моя вина в том, что мне приходится доставлять это простейшее Послание.

"Мужчина имеет две стороны: одну, обращенную к миру, и другую – для демонстрации женщине, когда он её любит".

Мы должны простить Браунингу его непристойную шутку; потому что его истина – сверхправдива! Но, если Вы – мир, а не возлюбленный, и видите меня таким, каким Моисей видел Бога, – это Ваша собственная вина!

Противно, когда приходится проводить жизнь, кидаясь грязью в лицо британской общественности в надежде, что с ней она смоет и едкий жир коммерции, солёные полосы лицемерных слёз, вонючий пот морали, стекающие слюни сентиментальности и её религии. И не смывает!

Но давайте возьмём менее неприятную метафору – кнут! Как постоянно писал какой-то школьный поэт, его рифмы так же бедны, как у Эдвина Арнольда, его стихотворный размер так же неритмичен и так же хорош, как у Френсиса Томпсона, его здравый смысл и откровенная непорядочность – под стать Браунингу!

"Помочь нельзя; надо сделать, – Так что..."

Да нет же! Это очень и очень плохой стишок.

И только после плети, что карает, появится жезл, что утешает, можно сказать, перефразируя смелое сравнение Абдуллы-хаджи из Ширази и двадцать третьего Псалма.

Итак, я предпочёл бы провести свою жизнь с жезлом; изнурительно и омерзительно пороть толстую кожу британцев, которых я всё же люблю. "Тех, кого Господь любит, Он наказывает и бичует". Я буду по-настоящему рад, если те из Вас, кто это выдержит, придут и сядут на колени к папочке!

Первый шаг – самый трудный; но стоит начать, и вскоре я сделаю так, что горбун и солдат словно лев и единорог будут сражаться за твою корону. И они вместе лягут в конце, равно довольные, равно усталые; а единственная и безупречная корона (брат!) будет блеснуть в морозной пустоте бездны, своими двенадцатью звездами наполняя ту тишину и одиночество музыкой и движением, которые тише и спокойнее, чем они сами; ты будешь восседать на Невидимом, твои глаза будут созерцать то, что мы называем Ничем, потому что это за пределами Того, чего можно достичь мыслью или трансом, твоя правая рука сжимает лазурный жезл Света, твоя левая рука обнимает алый бич Смерти; твоё тело обвито змеем, сверкающим ярче солнца, имя ему – Вечность; твои губы кривятся в улыбке, подобной месяцу, в невидимом поцелуе Ньюит, госпожи нашей, живущей на звездах; электрическая плоть твоего тела остановится абсолютной силой в замкнутом движении, в контролируемом неистовстве Её Любви. Нет же, за пределами этих образов ты (Братишка!) тот, кто проделал путь от Я и Ты, и Он до Того, чему нет Имени, нет Образа.

Братик, дай мне руку; ибо первый шаг труден.